

мотиве слепцов, т. е. людей, к которым не проникнет свет истины. Болеслав припоминал, как говорили о них чужестранцы: «Слепцы вы! вы не знаете Бога, наш Бог настоящий!» (с. 140). То же самое твердил в поэме Хераскова Добрыня, отвечая римскому послу на его обещание, что папа «разум просветит неверия в ночи»: «Когда мы странствуем в сей жизни, как слепцы, За то ответствует не Царь наш, но жрецы» (с. 47—48).

Совершенно ясно, что все эти метафорические образы света и тьмы, дня и ночи, познания и слепоты, использованные для обозначения противоположных понятий христианства и язычества, одинаковы в «Заре над языческим миром» Линды и поэме Хераскова «Владимир». Причем чешский преромапстик не отвергал так последовательно язычество, как это делал русский просветитель. В общей концепции своего «видения из отечественной истории» Линда скорее приближался к более миролюбивой точке зрения, выраженной чародем Зломиром в поэме Хераскова, стремящимся убедить Владимира в одинаковой ценности различных религий для людей: «Язычество мы чтим предтечей Христианства; Сии предания суть вымыслы одни, Могуци услаждать людей разумных дни» (с. 233). Херасков не соглашался с такой веротерпимостью. Картины из языческой жизни он рисовал в самых черных красках, включая кровавые злодеяния, лицемерие и предательство, жестокие ужасы и страх. Линда, наоборот, исходил из философии Бернарда Больцано. И несомненно имея в виду отношение к различным религиям, Линда писал, что совершенно отрицать или безудержно восхвалять что-либо может только тот, кто полагается на свой разум и чувства, считая их непогрешимыми.

Линда воплотил свои представления о язычниках и христианах в живых образах, полных динамики и драматизма. И в этом он очень приближается к русскому поэту. Две части своей повести (I и III) Линда посвятил изображению праздника в честь языческого бога Свантовита. Действие пятой части разворачивается около статуи бога Перуна. Неоднократно упоминает Линда и о других языческих богах, главным образом о прекрасной богине весны и любви Ладе. Естественно, что при этом описания Линды во многом совпадают с фантазией Хераскова. Уже во «Владимире» Хераскова действие I, II и V песен происходит в храме бога Перуна. Во II песне речь идет о совете языческих богов. Песнь III рисует радостную картину праздника в честь «божества любви», «сластолюбной Лады». Девы приносят ей цветы, ими любитесь народ. Приходит сюда в сопровождении пышной свиты и Владимир со своими воинами, одетый в сияющие доспехи. Девы поют и пляшут вокруг идола под звуки кимвалов и лиры. Жрецы и жрицы приносят девицам венки. Не представляет никакого труда обнаружить тесную связь этой картины с подобной картиной в первой части чешского произведения, где описывается праздник в честь бога Свантовита. Однако и здесь